

УДК / UDC 341.4 : 343.337.5
DOI 10.35231/18136230_2021_1_181

К вопросу о прямом и публичном подстрекательстве к геноциду в международном уголовном праве

А. С. Федоров

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация*

В статье исследуется институт прямого и публичного подстрекательства к геноциду в соответствии с международным уголовным правом.

Автор затрагивает вопросы толкования этого преступления в практике международных уголовных трибуналов и рассматривает конкретные случаи совершения подстрекательства к геноциду. Выделяются юридические особенности и критерии разграничения данного преступления от смежных. Проводится сравнительно-правовой анализ правового положения преступления в российской и американской правовых системах.

Делается вывод о необходимости дальнейшего нормативного и доктринального изучения этого преступления, а также его правильной юридической квалификации в судебной практике.

Ключевые слова: геноцид, международный уголовный суд, международное уголовное право, подстрекательство к геноциду, уголовное право, международный трибунал по Руанде, римский статут, международный трибунал по бывшей Югославии.

Для цитирования: Федоров А. С. К вопросу о прямом и публичном подстрекательстве к геноциду в международном уголовном праве // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 1 (63). С. 181–193. DOI 10.35231/18136230_2021_1_181

Direct and public incitement to genocide in international criminal law

Alexander S. Fedorov

*Financial University under the Government of Russian Federation,
Moscow, Russian Federation*

The article explores the institution of direct and public incitement to genocide under international criminal law.

The author raises questions about the interpretation of this crime in the case law of the international criminal tribunals and examines specific cases of incitement to genocide. Legal characteristics and criteria for distinguishing this crime from related crimes are highlighted.

A comparative legal analysis of the legal status of such crimes in the Russian and American legal systems is carried out.

It is concluded that further normative and doctrinal examination of this crime, as well as its correct legal qualification in jurisprudence is necessary.

Key words: genocide, international criminal court, international criminal law, incitement to genocide, criminal law, international criminal tribunal for Rwanda, Rome statute, international criminal tribunal for the former Yugoslavia.

For citation: Fedorov, A. S. (2021). K voprosu o pryamom i publichnom podstrekatel'stve k genotsidu v mezhdunarodnom ugolovnom prave [Direct and public incitement to genocide in international criminal law]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 1 (63). pp. 181–193. DOI 10.35231/18136230_2021_1_181 (In Russian).

Введение

Реальность демонстрирует нам, что общество, несмотря на активные шаги в сторону институционального либерализма, так и не пришло к миру и согласию в области международных отношений. Военные конфликты, хотя и стали менее масштабными, всё равно происходят очень часто, а порой бывают невероятно разрушительными. Дарфурский конфликт 2003 г., Иракская война 2003–2011 гг. и Гражданская война в Сирии, начавшаяся в 2011 г., только подтверждают этот тезис. Такое страшное явление как геноцид, несомненно, имевшее место и раньше, потрясло весь мир в XX веке, который некоторые учёные даже окрестили «эрой геноцида» [7, Р. 330–336]. Это международное преступление существенно влияет на социально-экономические процессы и в XXI веке. Для того, чтобы решить возникающие проблемы и плодотворно осуществлять международное правосудие над виновными в самых страшных преступлениях, в конце XX века был создан Международный уголовный суд (далее МУС).

Совсем недавно, 16 мая 2020 года во Франции было арестовано одно из лиц, обвиняемых в осуществлении геноцида в Руанде – Фелисьен Кабуга. После нахождения в розыске более 23 лет он предстанет перед судом, и, в случае признания виновным, понесёт ответственность. Геноцид, в котором обвиняется Ф. Кабуга, стал одним из страшнейших в мировой истории и унёс жизни около миллиона человек. А человек, который осуществил данный акт, находился на свободе столь длительное время и мог в любой момент возобновить свою общественно-опасную деятельность. Поэтому превентивная роль (в комплексе с охранительной) международного уголовного права и, в частности, МУС очень важна в современной правовой системе, ведь куда эффективнее предотвратить

опасные последствия некоторых действий, чем заниматься их ликвидацией в будущем, осуждая лиц, уже осуществивших свой преступный умысел. По этой причине в международном уголовном праве в рамках отдельного преступления было выделено прямое и публичное подстрекательство к геноциду, которое будет изучено в этой статье.

История подстрекательства к геноциду в практике международных уголовных трибуналов

Под юрисдикцию МУС подпадает определённый перечень преступлений, закреплённый в Римском статуте. Одним из международных преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС, является геноцид – действия, направленные на уничтожение определённой этнической, расовой, национальной или иной группировки лиц, объединённых некими историческими, культурными и этническими признаками¹.

Данное преступление получило правовую дефиницию и затем закрепление сразу после Второй мировой войны [6, Р. 227], тогда же в рамках этого деяния были квалифицированы действия германских военнослужащих по истреблению этнических меньшинств, а впоследствии оно получило закрепление в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него² (далее Конвенция о геноциде). Следует отметить, что мировая общественность задалась вопросом касательно того, какие же действия можно отнести к составу геноцида – так, например, будет ли расцениваться подстрекательская деятельность как отдельное преступление или же только как институт соучастия. И Нюрнбергский трибунал, осудив нацистского идеолога расизма и редактора соответствующей идеологической газеты «Штурмовик» Юлиуса Штрейхера на смертную казнь, подтвердил, что публичное и прямое подстрекательство к массовым убийствам других людей определённой национальности также будет рассматриваться как преступление против человечества в контексте устава трибунала [8, Р. 827–828]. Это стало прецедентным решением в рамках международного уголовного права, что впоследствии способствовало выделению публичного и прямого подстрекательства к

¹ Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.) // Московский журнал международного права. 1999. № 4. С. 284–351.

² Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (рус., англ.) (Заключена 09.12.1948) // Действующее международное право. Т. 2. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 68–71.

геноциду в самостоятельный состав преступления в статье 3(с) Конвенции о геноциде. Затем данная норма была инкорпорирована в Уставы Международного трибунала по Руанде (далее МТР) и Международного трибунала по бывшей Югославии (далее МТБЮ), а впоследствии и в Римский статут. Важно отметить, что этому способствовало дальнейшее развитие СМИ и иных средств распространения информации, которые расширили способы информационного воздействия на человека.

Резонансным делом стал так называемый Руандский СМИ-кейс, где по составу публичного и прямого подстрекательства к геноциду были осуждены руандийцы – работники радиостанции «Свободное радио и телевидение тысячи холмов» (далее RTLM): её учредитель Фердинанд Нахимана, директор Жан-Боско Барайагвиза и председатель исполнительного комитета радиостанции Хассан Нгезе, который также являлся главным редактором газеты «Кангура». Эти медиаресурсы содержали большое количество пропаганды националистических и экстремистских идей народа хуту, призывающих к осуществлению геноцида против тутси – другого африканского народа, проживающего в Руанде¹. Согласно оценке некоторых исследователей, именно деятельность данной радиостанции стала причиной гибели примерно 10% от всего количества убитых во время геноцида, что по разным оценкам составляет от 50 000 до 100 000 человек [9, Р. 1986]. Впоследствии по этому составу преступления, закреплённому статьёй 2(3)(с) Устава Международного трибунала по Руанде, также были осуждены бывший учитель и политик Ж.-П. Акайесу, певец и музыкант С. Бикинди, бельгийский радиоведущий радиостанции RTLM Ж. Руджу, журналист и бизнесмен Э. Нийитегека и некоторые другие общественные деятели и политики Руанды, осуществлявшие публичное и прямое подстрекательство к актам совершения геноцида.

Также в рамках этого преступления, вероятнее всего, понесёт наказание уже упомянутый ранее Ф. Кабуга, являющийся владельцем радиостанции RTLM, так как в июне 2020 года Кассационный суд Франции, невзирая на аргументы адвокатов о состоянии здоровья подсудимого, принял решение о его депортации в Танзанию, чтобы тот предстал перед международным трибуналом. Последним же за совершение данного деяния был осуждён Леон Мугесера – политик и видный член ультраправой

¹ The Prosecutor v. Ferdinand Nahimana, Jean-Bosco Barayagwiza, Hassan Ngeze (Judgement and Sentence), ICTR-99-52-T, International Criminal Tribunal for Rwanda (ICTR), 3 December 2003, para. 1021.

политической партии «Национальное республиканское движение за демократию и развитие». Именно его речь на партийном съезде 22 ноября 1992 г. стала, по мнению некоторых авторов, катализатором националистических настроений, которые и привели к геноциду тутси [5, Р. 124–125]. В 2012 г. Мугесера был депортирован из Канады, в которую эмигрировал до начала известных событий, и в 2016 году осуждён Руандийским судом по составу публичного и прямого подстрекательства, а также разжигания этнической ненависти.

В то же время, рассматривая решения другого международного уголовного трибунала – МТБЮ, стоит отметить, что ни один из обвиняемых не был осуждён по составу исследуемого нами преступления. Сербскому политическому деятелю Воиславу Шешелю вменялось данное деяние на стадии предъявления обвинения, однако в итоге его действия были квалифицированы как подстрекательство к войне и осуществление актов жестокости и насилия, но не охватывая при этом какую-либо форму подстрекательства к актам геноцида. Не вменили данное деяние и иным политическим деятелям, виновным в этом военном преступлении, таким, например, как Радован Караджич и Дарио Кордич. Трибунал посчитал, что СМИ в Югославии, в отличие от аналогичного кейса Руанды, служили, в первую очередь, для пропаганды разжигания ненависти, но не для подстрекательства к геноциду в смысле статьи 4(3)(с) Устава МТБЮ¹. Суд сделал вывод, что публичные выступления вышеупомянутых политиков и военных деятелей не обладали настолько высокой степенью общественной опасности, поэтому правосудие должно идти по другому пути. Это решение подверглось ряду закономерной критики со стороны многих государств, особенно учитывая тот факт, что самое жесткое и массовое убийство боснийских мусульман в окрестностях Сребреницы было квалифицировано МТБЮ в 2004 году как геноцид².

На наш взгляд, стоит выделить особую роль МТР в достижении более чёткого понимания института публичного подстрекательства к совершению геноцида в рамках международной уголовно-правовой системы. Ведь

¹ Устав Международного Трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного, совершенные на территории бывшей Югославии от 22 февраля 1993 г. (рус., англ.) // Совет безопасности. Официальные отчеты. Сорок восьмой год. ООН, Нью-Йорк. 1996.

² The Prosecutor v. Radislav Krstic (Judgement), IT-98-33-A, International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY), 19 April 2004. para. 35. P. 12.

этот трибунал осудил значительное количество лиц по этому составу преступления, сумев правильно истолковать норму и создав практику для её применения в аналогичных делах в дальнейшем. Это стало важной ступенью в развитии изучаемого нами правового института.

Юридические особенности и содержание публичного и прямого подстрекательства к геноциду

Как было выяснено, данный институт международного уголовного права весьма специфичен и имеет ряд некоторых особенностей. Во-первых, необходимо строго отграничивать подстрекательство к геноциду от публичного и прямого подстрекательства к геноциду. Несмотря на то, что эти понятия могут казаться похожими семантически, они совершенно разные по содержанию. Это можно увидеть исходя из пунктов статей 25(3)(b) и 25(3)(c) Римского статута, в которых описывается объективная сторона «обычного» подстрекательства, а в статье 25(3)(e) публичного и прямого подстрекательства. Из этого следует, что изучаемый нами правовой институт является самостоятельным преступлением и имеет формальный состав, то есть для факта установления вины лица и привлечения его к ответственности не требуется, чтобы подстрекательство было успешным и присутствовала причинная связь с актом геноцида. Эта судебная позиция была отражена МТР в ходе судебного разбирательства в деле Ф. Нахимана и была обусловлена тем, что эти действия обладают особо повышенной опасностью для общественных отношений в мировом сообществе¹.

Во-вторых, необходимо в то же время отграничить высказывания, которые ведут к разжиганию ненависти, от публичного и прямого подстрекательства к совершению геноцида, потому что, как показывает практика МТБЮ, между ними очень тонкая грань. Для этого судебному органу нужно чётко установить *mens rea* обвиняемого, иначе говоря, на что конкретно был направлен умысел в момент озвучивания высказываний. При этом, кроме субъективной стороны преступления, имеют значение и некоторые обстоятельства объективной стороны.

Так, несмотря на наличие или отсутствие дискриминационных или иных разжигающих ненависть высказываний, суд обязательно должен

¹ The Prosecutor v. Ferdinand Nahimana, Jean-Bosco Barayagwiza, Hassan Ngeze (Appeal Judgment), ICTR-99-52-A, International Criminal Tribunal for Rwanda (ICTR), 28 November 2007, paras. 678-679.

установить критерий публичности (выступление должно совершаться в каком-либо общественном месте или сообщение должно распространяться через продажу или демонстрацию письменных, аудиовизуальных или иных форм материалов на некий широкий круг лиц) и критерий прямоты высказывания (у лица имеется цель побудить, спровоцировать или заинтересовать другое лицо «исполнителя» для осуществления насильственных действий в отношении этнической или иной группировки и создать некую атмосферу, способствующую осуществлению геноцида) [2, с. 212]. Для установления вины конкретного лица необходимо учитывать культурные и языковые особенности страны, в которой имели место данные призывы, и насколько адресаты этих сообщений могли понять их характер и закладываемое лицом содержание. Музыкант С. Бикинди, например, использовал в своих песнях завуалированные и аллегоричные призывы к убийству других людей, а однажды на радиоэфире он назвал представителей народа тутси змеями, что суд, учитывая культурный контекст, счёл преступным деянием [2, с. 213].

Также некоторые учёные, например А.А. Порецкова, предлагают для более точного правового толкования понятия публичного и прямого подстрекательства учитывать такие аспекты как: непосредственная связь между подстрекателем и аудиторией, на которую направлены призывы; наличие авторитета и власти у говорящего для привлечения к ответственности высокопоставленных лиц; способность лиц, на которых направлены призывы, осуществить акты геноцида и ограниченность способов передачи информации [4, с. 166].

Однако в этой связи возникает множество споров, так как ряд исследователей считают, что пропаганда, а также подстрекательство к расовой и национальной ненависти также должны включаться в перечень актов геноцида и найти своё отражение в Римском статуте¹. Сложно не согласиться с этой позицией, ведь в случае появления подобной нормы органы уголовного судопроизводства, в первую очередь МУС, будут эффективнее осуществлять правосудие, а данный состав преступления не нужно будет отграничивать от публичного и прямого подстрекательства к геноциду, что существенно сократит сложности для правоприменения норм судом.

¹ Дадуани Т. Г. Проблемы совершенствования международно-правовых средств борьбы с актами геноцида: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Дадуани Тимур Гивиевич; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. М., 2012. С. 193.

Кроме того, это позволит более оперативно реализовывать превентивную функцию права, которая является важнейшей функцией международного уголовного права, так как часто именно подстрекательство и разжигающие ненависть призывы служат предусловием совершения актов геноцида. На текущем этапе развития МУП эта правовая функция не реализуется должным образом, и мировое сообщество признает факт осуществления геноцида почти всегда *post factum*. В качестве противоположного аргумента можно привести позицию бывшего госсекретаря США Колина Пауэлла, который в сентябре 2004 г. на заседании комитета Сената США по международным отношениям подтвердил факт геноцида в Дарфурском конфликте. В это же время, непосредственно в Судане и происходили сами массовые акты убийств на этнической почве. Но этот случай является скорее редким исключением из многочисленного числа преступлений геноцида в XX–XXI веке.

Публичное и прямое подстрекательство к геноциду в правовых системах России и США

Ещё одним аргументом в пользу расширения объективной стороны изучаемого нами противоправного деяния является то, что на данный момент в ряде государств, в том числе в Российской Федерации, публичное и прямое подстрекательство не рассматривается в качестве самостоятельного преступления и не закреплено в отдельной статье Уголовного кодекса¹. Учитывая то, что юрисдикция МУС всё-таки носит комплементарный характер, главенствующую роль в борьбе с преступлениями геноцида играет национальное уголовное право. В некоторых научных российских трудах в сфере уголовного права утверждается, что нет необходимости закрепления отдельной ответственности за подстрекательство к геноциду, так как состав ст. 357 УК РФ сформулирован как усечённый [1, с. 85], а ответственность за публичные призывы, которые создают условия для совершения преступления геноцида, следует квалифицировать как приготовление к геноциду по совокупности ст. 357 и ч. 1 ст. 30 УК РФ [3, с. 123–124]. В то же время, исходя из постановления пленума ВС РФ, высказывания, которые обосновывают или утверждают необходимость геноцида, необходимо квалифицировать по ч. 1 ст. 282 УК РФ, где объективной стороной будут выступать действия, возбуждающие

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.11996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

ненависть или вражду¹. Но санкции, предусмотренные данными нормами, существенно отличаются между собой. То есть законодатель полагает, что публичное и прямое подстрекательство обладает меньшей общественной опасностью по сравнению с самими актами геноцида, что нам представляется как не совсем верный подход. Да, скорее всего, нельзя однозначно поставить знак равенства между этими деяниями, но то, что они соизмеримы – это неоспоримый факт, вытекающий из самих целей уголовного права, в числе которых фигурирует предупреждение преступлений, так как именно превенция – это наиболее эффективный способ защитить право человека на жизнь и обеспечить безопасность этнических, расовых, национальных и иных групп.

Известно, многие крупные страны мира, в том числе США, Китай, Россия, не ратифицировали Римский статут, однако большинство стран мира взяли на себя обязательства в отношении Конвенции о геноциде, которая в статье 3(с) содержит аналогичную норму. Из этого следует, что на указанные страны распространяется обязательное действие этого акта, но здесь встаёт вопрос о том, а как же будет реализовываться эта норма на практике. Ведь комплементарный принцип подразумевает то, что МУС и другие международные уголовные органы не будут вмешиваться в процесс, пока страна сама справляется с привлечением к ответственности лиц, виновных в геноциде. Но тут же возникает вопрос: как страна может самостоятельно осуществить справедливое правосудие, если на момент совершения преступления публичного и прямого подстрекательства у неё в законодательстве не будет закреплено это преступление?

Можно взглянуть на эту проблему со стороны англосаксонского общего права, ведь благодаря своей гибкости оно позволяет правоприменителю эффективнее осуществлять правосудие в нестандартных ситуациях, наподобие той, о которой идёт речь. Так, при анализе Кодекса США в заглавии 18 разделе 1091 подразделе «с» содержится состав прямого и публичного подстрекательства к геноциду², и это несомненное достижение законодателя. Однако по непонятным причинам, санкция за

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 г. Москва «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета 04.07.2020. № 142 (5518).

² United States Code. (current Public Law 116-8 of May 29, 2020) // Washington: Office of the Law Revision Counsel of the House of Representatives: For sale by the Supt. of Docs., U.S. G.P.O. URL: <http://uscode.house.gov/browse/&edition=prelim> (дата обращения: 18.12.2020 г.)

него существенно отличается от санкции за само преступление геноцида, при том, что в подразделе «d» – иные преступления, производные от геноцида, а именно покушение на геноцид и вступление в сговор с целью его осуществления, наказываются также, как и основное преступление раздела. Налицо сходство позиции российского и американского законодателя по данному вопросу. Но кроме всего этого, с квалификацией преступлений по разжиганию ненависти или вражды в США тоже есть некоторые проблемы, иначе говоря, установить уголовную ответственность за деяния по разжиганию межнациональной или иной розни довольно сложно. Суд может прийти к этому, только если высказывания непосредственно ведут к противозаконным действиям, или никакие иные доступные меры не помогут разрешить дело. Это обусловлено широким толкованием (*judicial activism*) Верховного Суда США права на свободу слова на основании Первой поправки к Конституции. Эта ситуация даже приводила к весьма специфичным эксцессам наподобие того, который произошел в 1977 г., когда группа неонацистов торжественно прошествовала по кварталу евреев, переживших Холокост, однако не была осуждена, и более того, Судом впоследствии были сняты почти все наложенные ограничения и разрешены дальнейшие марши группировки¹.

Заключение

Подводя итог, стоит отметить, что на данном этапе многие недооценивают значение института публичного и прямого подстрекательства к геноциду в рамках уголовного права. Однако эта норма реализует, возможно, главную функцию международного уголовного права на сегодняшний день – превентивную, по этой причине она так важна. Установив практику применения данной нормы, мировое сообщество сможет предотвратить больше подобных случаев и не допустить повторения ситуаций, произошедших в Руанде и Югославии. Также изучаемый состав преступления важен для перехода к борьбе с геноцидом и его признания *ante factum*, а не *post factum*, как это распространено в настоящий момент. Это означает, что геноцид нужно предотвратить, прекратить и остановить, пока он не принёс ещё большего количества жертв и страшных последствий.

¹ National Socialist Party of America v. Village of Skokie, No. 76-1786, 432 U.S. 43, U.S. Supreme court, decided June 14, 1977.

Бесспорно, в погоне за рациональностью и справедливостью международным судебным органам нельзя беспочвенно ограничивать базовые международные права человека, такие, например, как свобода слова и свобода совести. Однако если реализация этого права затрагивает право на жизнь других индивидов, и какое-то лицо начинает публично высказываться об уничтожении какой-либо этнической группы, предлагая ультра-националистические или фашистские идеи, то действия этого лица должны квалифицироваться международными механизмами и национальными судебными органами как публичные и прямые призывы к геноциду. Судом должны быть установлены критерии совершения данного преступления, *mens rea* обвиняемого и обстоятельства совершения преступления. Кроме того, уголовная ответственность в этом случае должна соответствовать степени общественной опасности деяния, которая будет намного выше, чем в преступлениях, разжигающих ненависть, и практически сопоставима с самим преступлением геноцида.

Список литературы

1. Ветошкина Е.Д. Традиции и новации в определении геноцида в УК РФ 1996 г. // Право и практика. 2016. № 1(15). С. 83–85.
2. Гигинейшвили М.Т. Подстрекательство к геноциду в практике международных трибуналов // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 212–214.
3. Москалев Г.Л. Проблемы разграничения геноцида и преступлений экстремистской направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2012. № 4. С. 121–125.
4. Порецкова А.А. Эффективность международного уголовного суда в решении проблем, связанных с геноцидом: взгляд со стороны институционального либерализма // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Т. 9. № 3 (47). С. 155–171.
5. Gourevitch Ph. We Wish to Inform You That Tomorrow We Will be Killed with Our Families: Stories from Rwanda // London: Picador, 2000. 355 p.
6. Lemkin R. Genocide // American Scholar. 1946. Vol. 15, no. 2. P. 227–230.
7. Levene M. Why Is the Twentieth Century the Century of Genocide? // Journal of World History. 2000. Vol. 11, no. 2. P. 305–336.
8. Timmermann W. K. Incitement in international criminal law // International Review of the Red Cross. 2006. Vol. 88, no. 864. P. 823–852.
9. Yanagizawa-Drott D. Propaganda and Conflict: Evidence from the Rwandan Genocide // The Quarterly Journal of Economics: journal. 2014. Vol. 129, no. 4. P. 1947–1994.

References

1. Vetoshkina, E.D. (2016) Traditsii i novatsii v opredelenii genotsida v UK RF 1996 g. [Traditions and innovations in the definition of genocide in the Criminal Code of the Russian Federation in 1996]. *Pravo i praktika – The law and practice*. 2016. No. 1(15). pp. 83–85. (In Russian).
2. Giginishvili, M.T. (2015) Podstrekatel'stvo k genotsidu v praktike mezhdunarodnykh tribunalov [Incitement to genocide in the practice of international tribunals]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 2015. No. 24. pp. 212–214. (In Russian).
3. Moskalev, G. L. (2012) Problemy razgranicheniya genotsida i prestuplenii ehkstremit'skoi napravlennosti [Problems of differentiation of genocide and crimes of an extremist]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 2012. No. 4. pp. 121–125. (In Russian).
4. Poretskova, A. A. (2016) Ehffektivnost' mezhdunarodnogo ugolovnogo suda v reshenii problem, svyazannykh s genotsidom: vzglyad so storony institutsional'nogo liberalizma [The efficiency of international criminal court in resolving the problem of genocide from the point of institutional liberalism]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ehkonomika, parvo – Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2016. Vol. 9. No. 3 (47). pp. 155–171. (In Russian).
5. Gourevitch, Ph. (2000) We Wish to Inform You That Tomorrow We Will be Killed with Our Families: Stories from Rwanda. London: Picador, 2000. 355 p.
6. Lemkin, R. (1946) Genocide. *American Scholar*. 1946. Vol. 15. No. 2. pp. 227-230.
7. Levene, M. (2000) Why Is the Twentieth Century the Century of Genocide? *Journal of World History*. 2000. Vol. 11. No. 2. pp. 305–336.
8. Timmermann, W. K. (2006) Incitement in international criminal law. *International Review of the Red Cross*. 2006. Vol. 88. No. 864. pp. 823-852.
9. Yanagizawa-Drott, D. (2014) Propaganda and Conflict: Evidence from the Rwandan Genocide. *The Quarterly Journal of Economics: journal*. 2014. Vol. 129. No. 4. pp. 1947–1994.

Об авторе

Федоров Александр Сергеевич, студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, ORCID ID 0000-0001-7489-2396, e-mail: as.feedorov@gmail.com

About the author

Alexander S. Fedorov, Student, Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID ID 0000-0001-7489-2396, e-mail: as.feedorov@gmail.com

Научный руководитель

Ширева Ирина Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, e-mail: IVShiryova@fa.ru

Academic supervisor

Irina V. Shireva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: IVShiryova@fa.ru

Поступила в редакцию: 13.01.2021

Received: 13 January 2021

Принята к публикации: 26.02.2021

Accepted: 26 February 2021

Опубликована: 29.03.2021

Published: 29 March 2021